

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

14 декабря общест-
венность Смолен-
ска отмечает шести-
десятилетие со дня
рождения и сорока-
летие творческой де-
ятельности старей-
шего артиста обла-
стной филармонии
Николая Ивановича
Затолочина.

— Последние со-
общения! Последние
сообщения! Взят Пе-
ремышль! Осуще-
ствен Брусиловский
прорыв!

Любопытные да-
мы, чиновники, офи-
церы суют ему в ру-
ку кто копейку, кто
две — и кипа ста-
новится все тоньше
и тоньше. Вот про-
дан последний бюл-
летень и, зажав в
кулак монеты, Коль-
ка мчитс домой.

ЧЕЛОВЕК вышел из трамвая
на три остановки раньше,
чтобы еще раз оглядеть памят-
ные места, вспомнить все сна-
чала...

Позади остались Никольские
ворота и бывший загород, отме-
жеванный крепостной стеной.
Теперь это уже не загород, а
неотъемлемая часть города с
широкими улицами, скверами,
новыми жилыми кварталами.

Внимание привлек мальчик,
который перебежал улицу. У
обочины тротуара он подпрыг-
нул, на лету поймал лист то-
поля, а затем положил его на
ладонь и со всей силы дунул.
Желтый лист взвился над голо-
вой, на какую-то долю секунды
повис в воздухе и, переворачи-
ваясь с ребра на ребро, медлен-
но стал опускаться на землю...

— Еще одна осень! — поду-
мал человек. И вдруг сошел с
тротуара, перешагнув трамвай-
ный рельс и, оглянувшись, за-
шагал посреди трамвайной линии.

— Эй, Колька, понесем се-
годня щиты?

— А кино какое?

— Американский боевик.

— Айда!

И ребята бегут к кинотеатру
«Художественный». Здесь их
ждут рекламные щиты. На тол-
стых парусиновых лямках их
нужно нести вдоль трамвайной
линии от Чуриловского проулка
на через Ильинский пролом в
крепостной стене, по Пушкин-
ской и Благовещенской улицам,
мимо базара к вокзалу и обрат-
но. За это хозяйка кинотеатра
Зубковская пускала бесплатно
в кино.

Но было и так. Зубковская,
разводя руками, говорит:

— Сегодня не могу. Чинов-
ников много...

Тогда Колька вел ребят к те-
атру «Мозаика», «секретным»
ходом забирались они под сцену
и через щели слушали «Де-
мона». Сколько радости, счастья
доставляли эти минуты!

Началась война. Колькиного
отца забрали на фронт. Отец
работал в ресторане. Там же
работала и мать. Труд прачки
плохо оплачивался, и мать не в
силах была прокормить семью.

— Как дальше жить? — раз-
мышляет Колька.

После школы он бежит в дом
Волкова. Там печатались ве-
черние сообщения с фронта.
Колька покупает их и уже на
Пушкинской и Благовещенской
улицах раздается его звонкий
голос:

Семнадцатый год. Колька хо-
рошо помнит, как ополченцы
гнали казаков от Блоны к Мо-
лоховским воротам, а там каза-
ки ударили по Рославльскому и
Киевскому большакам.

С чердаков ребята наблюда-
ли, как со всего размаха пада-
ли на мостовую всадники, и их
черные бурки, словно обрублен-
ные крылья, валялись на мо-
стовой.

Потом рабочие шли под крас-
ными флагами к тюрьме и пели
революционные песни. Ребята
поспешили вслед. А когда подбе-
жали к тюрьме, Колька увидел
распахнутые железные ворота,
огромную толпу людей, среди
которых были освобожденные.
Вдоль глухой каменной стены
стояли автомашины. Ребята за-
скачили во двор. Оттуда побе-
жали в главный тюремный кор-
пус. Заскачили в одну, другую
камеру, поднялись на второй,
третий этаж — тюрьма была
пустой.

Ребятам стало как-то жутко.
Они выбежали на улицу и кину-
лись догонять демонстрантов.
Освобожденные ехали на откры-
тых автомашинах. Головную ав-
томашину Колька догнал почти у
самых Молоховских ворот. В ку-
зове стоял человек с бледным
лицом и спадающими на плечи
волосами. Он размахивал рука-
ми и о чем-то говорил.

— Смотри, — Колька толк-
нул локтем своего друга, —
точь-в-точь Паганини!

— Не Паганини, а револю-
ционер Соболев. — схватил
Кольку за ухо какой-то рабочий.

Серафима Никифоровна —
так звали учительницу, которая
не только интересно вела уроки,
но и разучивала с учениками
революционные песни. Она то
как-то и предложила Кольке
сыграть роль Ганса в детской
пьесе «Гусь-Приклейка». Он ус-
пешно справился с этой ролью.
И с тех пор ребята стали назы-
вать его «Колька-артист».

— Да, это была моя первая
роль, — вспоминает человек о
событиях сорокавосьмилетней
давности.

А вот угол улиц имени Туха-
чевского и Большой Советской.
Здесь многолюдно. На трамвай-
ной остановке толпятся пасса-
жиры. Человек подходит к буд-
ке телефона-автомата, достает
из кармана двухкопеечную мо-
нету. Но здесь что-то заставля-
ет его взглянуть на фронтон до-
ма: красногвардейский шлем,
знакомый профиль, воплощен-

ный в серый гранит. И снова
воспоминания. Перед глазами
1919-й.

Декабрь. Четырнадцатилетний
мальчуган приходит в штаб За-
падного фронта. Его принимает
командир. Это Борис Николае-
вич Скворцов, среднего роста,
худощавый, с очень подвижными
и добрыми глазами. Он окиды-
вает взглядом мальчугана: длин-
ное черное пальто с замусолен-
ными рукавами и облезлым ба-
рашковым воротником свисает
до самых пят. От сермяжного
ремешка спадают веером
складки.

— Николай Затолочин, —
поднес руку к головному убору
Колька. — Желаю у вас работать!

Колька хотел было сделать
шаг в сторону, чтобы щелкнуть
наблюдающими, но наступил на по-
лу пальто, запутался в ней и с
размаху грохнулся на сундук.

Скворцов рассмеялся.

В этот момент в кабинет во-
шел высокий стройный человек
в кожаной куртке.

— Ушибся? — спросил он,
помогая парню встать.

Колька не понял вопроса
и со слезами на глазах отве-
тил:

— Это братово пальто!..

Человек поинтересовался, за-
чем пришел, кто родители. По-
том внимательно посмотрел
Кольке в глаза, улыбнулся в
усы и сказал Скворцову:

— Зачислить курьером... А
пальто... заменить на кожаную
куртку!

Это был Тухачевский!..

Человек повернул за угол и
пошел по Советской улице. Он
дошел до часов, остановился.
Вот здесь были ресторан и го-
стиница «Европа», где работали
отец и мать. А напротив —
штаб Западного фронта, где он
работал, а там (он свернул на
бывшую Пушкинскую улицу, ны-
не улицу Ленина) был межсоюз-
ный клуб — сейчас Дворец
профсоюзов.

В этом клубе в 1925 го-
ду Николай Затолочин — гли-
нопок первого кирпичного заво-
да — принимал активное участие
в «Синей блузе» (так называ-
лась рабочая агитбригада). Из
этого клуба его послали учиться
в Ленинградский «Пролет-
культ». Затем работа в хоровом
рабочем театре «Стройка».

Никогда не изгладится из па-
мяти 1932 год. Молодой артист
выступает в большом праздни-
чном концерте на открытии
Днепрогэса, принимает учас-
тие в гастрольях по городам Се-
верного Кавказа и Украины.

И вновь Смоленск.

Затолочин работает в госу-
дарственном отделении музыки,
эстрады и цирка, затем руково-
дит театром профсоюзов.

А с 1936 года он артист Смо-
ленской филармонии...

Человек идет по городу,
всматривается в добрые, не ом-
раченные горем лица смолян.
Мимо него проносятся грузовые
и легковые автомашины, катятся
по рельсам трамваи.

О чем он думает? Быть мо-
жет, о тяжелых первых годах
войны, когда он, артист фронто-
вого ансамбля, выступает в зем-
лянках, в окопах, на открытых
импровизированных сценах, а
иногда и под обстрелом врага. А
может, вспоминает Магнитку,
Кузбасс, целину...

Идет человек. Не спеша идет.
Думает.

В. ПРОСТАКОВ.